

Глава 1

Так как бумаги для подготовки к печати попали именно в мои руки, начну с того, что напомним уважаемой публике о печальном событии: прошел ровно год, с тех пор как бесследно исчез пароход «Стратфорд», который отправился в далекое путешествие с целью изучения жизни в океанских глубинах. Экспедицию возглавлял доктор Маракот, широко известный своими публикациями «Псевдокоралловые формации» и «Морфология пластиножаберных»*. В путешествии доктора Маракота сопровождал мистер Сайрус Хедли, в прошлом ассистент в Зоологическом институте в Кембридже, а к началу путешествия стипендиат Родса в Оксфорде*. Капитан Хави, опытный навигатор, управлял судном. Команда состояла из двадцати трех человек, включая механика — американца из «Мерибанк Воркс» в Филадельфии.

Пароход пропал со всем экипажем. Последним известием о «Стратфорде» стало сообщение моряков с норвежского барка, которые осенью 1926 года видели корабль, похожий по описанию на «Стратфорд». Неизвестное судно попало в адский шторм и скрылось из виду под пеленой дождя. Шлюпка с надписью «Стратфорд», покореженный спасательный буй, палубные доски и часть обшивки были обнаружены неподалеку от места трагедии несколько дней спустя. Эти факты, помноженные на длительное молчание, казалось, не оставляли никаких сомнений: судно постигла трагическая судьба. Неожиданным подтверждением участи экипажа послужила странная обрывочная радиограмма, которая лишь укрепила уверенность в печальном конце «Стратфорда». Я расскажу о ней позднее.

Отличительной чертой злополучного путешествия стал ореол секретности, который плотно окружал «Стратфорд» и вызывал со всех сторон многочисленные комментарии любопытных. Тайнственность всегда являлась визитной карточкой профессора Маракота. Он славился прохладным отноше-

нием к репортерам и стойким недоверием к прессе. Но на этот раз профессор переплюнул самого себя. Его стремление спрятать от посторонних глаз приготовления к экспедиции перешло все пределы разумного. Ни капля информации не просочилась в газеты, ни один из журналистов не ступил на палубу за время стоянки корабля в доке Альберта. По слухам, ходившим за границей, «Стратфорд» отличался новой необычной конструкцией, которая позволяла ему исследовать морские глубины. Слухи нашли частичное подтверждение в заявлении представителя судостроительной фирмы «Хантер и компания» из Западного Хартлпула, где корабль был построен*. В заявлении говорилось, что днище судна может полностью отсоединяться. Информация вызвала настоящий ажиотаж среди клерков страховой компании «Ллойд», которых с большим трудом удалось успокоить. Вскоре о необычном корабле забыли. Но важность перечисленного вновь стала очевидной: с некоторых пор внимание публики опять привлечено к судьбе пропавшего парохода.

Начнем с самого начала, с первых дней экспедиции «Стратфорда». Четыре документа дают представление о событиях. Первый: письмо мистера Сайруса Хедли, отправленное из столицы Канарских островов. Мистер Хедли писал своему другу сэру Джеймсу Талботу в Оксфордский Тринити-колледж. Насколько нам известно, после того, как «Стратфорд» покинул устье Темзы, он причалил к берегу единственный раз.

Второй документ: странная радиограмма, на которую я уже ссылался. Третий — та часть судового дневника «Арабеллы Ноулз», где говорится о стеклянном шаре. Четвертый, и последний, — удивительное содержимое шара. Либо это мистификация, либо сенсация, которая открывает новую главу в истории человеческих достижений, и их важность и значение трудно переоценить.

Сделав эти оговорки, я привожу письмо мистера Хедли, любезно переданное в мое распоряжение сэром Джеймсом

Талботом и до сего времени еще не опубликованное. Письмо датировано 1 октября 1926 года.

«Дорогой Талбот,
я пишу из Санта-Крус-де-Тенерифе*, где мы остановились на несколько дней отдохнуть и набраться сил. За время путешествия я довольно близко сошелся с Биллом Сканлэном, который на нашей посудине исполняет обязанности главного механика. Билл мой земляк, веселый и общительный нрав делает его идеальным компаньоном, рядом с которым легче переносятся тяготы походной жизни. Тем не менее, сегодня утром я остался в полном одиночестве. Билл заявил, что у него свидание, как он выразился, «с очередной юбкой». Речь Билла звучит именно так, как, по мнению англичан, должна звучать речь американца. В отличие от меня, он был бы воспринят в обществе как «чистокровный американец». Думаю, что мои друзья англичане никогда бы не догадались, что я янки, если б я не изображал старательно акцент и не вставлял в разговор разного рода словечки. Но с тобой у меня совершенно другие отношения. Позволь заверить, что в этом образце эпистолярного жанра ты найдешь лишь правильный академический язык.

Ты встречал Маракота и знаешь, какой это сухарь. Я уже рассказывал, почему старик остановил свой выбор на мне: он навел справки у Соммервиля из Зоологического института. Соммервиль познакомил Маракота с моим эссе об океанских крабах, которое удостоилось академической награды. Это сыграло главную роль. Конечно, замечательно принять участие в столь увлекательной экспедиции, но я бы предпочел иметь дело с кем-то более жизнерадостным, чем с этой ходячей мумией Маракотом. Старик совершенно равнодушен к обычным человеческим увлечениям. Только наука вызывает у него живой интерес. “Крепкий орешек, самый крепкий из всех, кого я знаю”, — говорит о нем Билл Сканлэн с оттенком восхищения. Подобную преданность делу Билл находит поразитель-

тельной. Помнишь, как ты смеялся, когда услышал мой рассказ о знакомстве с профессором Маракотом. Я спросил его, что следует прочитать, чтобы лучше подготовиться к плаванию. На что он ответил, что для серьезного изучения океанских глубин необходимо тщательно проработать все его труды, а в качестве легкого чтения рекомендовал перечитать Геккеля*.

Сегодня, спустя полгода со дня нашего знакомства, я знаю Маракота не намного лучше, чем в тот день, когда увидел его впервые, в маленьком кабинете с видом на Оксфорд-Хэй. Профессор все время молчит, а его худощавое суровое лицо, лицо Савонаролы* или, скорей, Торквемады*, никогда не озаряется улыбкой. Длинный тонкий, выдающийся вперед нос; маленькие серые сверкающие, близко посаженные глазки под нависшими клочковатыми бровями; тонкие, всегда плотно сжатые губы; провалившиеся от постоянного умственного напряжения и суровой жизни щеки — ничто в его внешности не располагает к сближению. Он постоянно витает где-то в недосяжимых вершинах, вне пределов, доступных пониманию обычного смертного. Временами мне кажется, что профессор не вполне нормален. Например, этот его диковинный аппарат... Но обо всем по порядку, чтобы ты смог разобраться.

Начну с начала. «Стратфорд» — прекрасный небольшой корабль, идеально приспособленный для выполнения поставленной задачи. Широкое, с просторной палубой, водоизмещением в тысячу двести тонн судно оснащено всевозможными приспособлениями для замера глубины, тралами*, драгой* и сетями. Мощные паровые лебедки, а также разнообразные механизмы, некоторые знакомые, а некоторые совершенно неизвестные, дополняют общую картину. Под палубой расположена превосходно оборудованная лаборатория для особых исследований. Еще до начала экспедиции «Стратфорд» заработал репутацию корабля-загадки. Вскоре я убедился в том, что данная характеристика вполне заслуженна. Сначала наши действия были довольно однообразными. Сперва корабль направился в Северное

море. Мы даже пару раз забросили трал в воду. Но так как средняя глубина в этих местах не превышает шестидесяти футов, а корабельное оборудование приспособлено для работы на больших глубинах, данная операция оказалась не более чем потерей времени. Наш улов представлял собой знакомый набор: акула, несколько кальмаров, медузы и мелкая живность, которой богато илистое дно. Затем мы обогнули Шотландию, Фарерские острова и направились на юг. Однажды, безлунной ночью, мы чуть было не сели на мель, но к счастью, все обошлось. Не считая этого эпизода, путешествие не баловало нас событиями.

В течение первых недель я пытался сдружиться с профессором Маракотом, но это оказалось нелегкой задачей. Во-первых, профессор самый рассеянный человек из всех, кого я встречал. Он все время погружен в свои мысли. Помнишь, как он пытался всучить пенни мальчику-лифтеру? Маракоту тогда показалось, что он садится в такси. Полдня профессор проводит в раздумьях и, кажется, совсем не замечает, где он и что вокруг него происходит. Во-вторых, Маракот чрезвычайно скрытен. Он сутками просиживает над бумагами и картами, но стоит только мне появиться в каюте, как профессор сгребает бумаги в сторону. Уверен, что этот человек вынашивает секретные планы, но предпочитает до времени хранить их при себе. Билл Скэнлэн полностью разделяет мое мнение о профессоре.

— Скажите, мистер Хедли, — однажды вечером обратился ко мне Билл. Я в тот момент находился в лаборатории, изучал образцы океанической флоры. — Как вы думаете, что у этого человека в голове? Что, вы полагаете, он замыслил?

— Полагаю, — ответил я, — что нам предстоит заниматься тем, чем до нас занимался «Челленджер» и десятки других исследовательских судов. Мы добавим несколько новых видов к бесконечному списку глубоководных океанских существ и нанесем пару штрихов на карты морского дна.

— Как бы не так! — воскликнул Билл. — Попробуйте еще раз. Во-первых, что я делаю на корабле?

— Вы здесь на случай, если испортятся машины?

— А вот и нет! Какие машины! Машина «Стратфорда» на попечении Мак-Ларена, шотландского механика. Нет, сэр, не для того мерибанкские ребята послали сюда своего лучшего мастера, чтобы он чинил дурацкие керосинки. Недаром же мне отстегивают полсотни долларов в неделю. Топайте за мной, я покажу вам кое-что.

Билл вытащил из кармана ключ, отпер дверь в глубине лаборатории и повел меня по узкому трапу в трюм. Там было почти пусто; только четыре объемных металлических предмета тускло поблескивали сквозь завитки соломы в массивных деревянных ящиках. Это были гладкие стальные плиты, снабженные по краям болтами и заклепками. Каждая плита была размером примерно в десять квадратных футов и толщиной дюйма в полтора, с круглым отверстием посередине, дюймов восемнадцати в диаметре.

— Что за чертовщина? — спросил я.

Необычное лицо Билла Сканлена (физиономия Билла представляет собой нечто среднее между лицом водевильного комика и циркового борца) расплылось в улыбке.

— Это моя малышка, сэр, — произнес Билл. — Вот поэтому, мистер Хедли, я здесь и нахожусь. К этой штуке прилагается такое же стальное дно. Оно вон в том ящике. Кроме того, крышка в виде купола и большое кольцо то ли для каната, то ли для цепи. А теперь гляньте на днище.

Под нашими ногами находилась квадратная деревянная платформа. Болты по углам показывали, что платформу можно отсоединить.

— У судна двойное дно, — продолжил рассказ Сканлен. — Профессор, кажется, окончательно спятил, или же он умнее, чем мы предполагаем. Насколько я понял, он собирается построить нечто похожее на стальной колокол и опустить его в воду, убрав предварительно днище корабля. Мощный проектор позволит разглядеть, что происходит вокруг.